

ПРОЛОГ

Экстерьер: Перебивка. Нью-Йорк-Сити. Вид Манхэттена с высоты птичьего полета. День. Лето. Смена плана.

Экстерьер: Виды Центрального парка. Камера плавно движется вниз.

В кадре появляется мужчина средних лет. Он сидит на траве в окружении других отдыхающих. Пьет имбирный чай (крупный план стакана). Это Г. Г. (главный герой). Его имя Эндрю Гудман.

Общий план: В кадре группа детей и их родители. Кто-то играет в бейсбол, кто-то из детей весело носится по дорожкам парка. Слышны голоса родителей: «Люси, не донимай брата», «Карен, сколько раз нам с папой повторять одно и то же: не бегай с набитым ртом», «Уоу! Чемпион. Отличный бросок!» — «Спасибо, па».

Эндрю Гудман пьет чай и читает книгу (ПРИМ.: на финальной правке определиться с названием книги. Важная деталь. Ненавязчивый символизм). Изредка поглядывает на отдыхающих.

Крупный план: глаза Гудмана.

Перебивка: в кадре крона дерева. Слышен шелест листьев.

Эндрю Гудман ставит стакан чая на плед, на котором сидит, и продолжает читать книгу.

Резиновый мяч катится по траве. Сбивает стаканчик у ног Гудмана. Чай проливается на плед, пачкает брюки.

К Гудману подбегает девочка лет восьми и останавливается. Это ее мяч.

Девочка (смущенно и виновато):

«Извините, мистер».

Гудман (подавая мяч, улыбаясь):

«Ничего страшного. Держи».

Следом подходит мать девочки.

Мать (с глубоким сожалением):

«Оу, простите нас. Мы испортили вам брюки».

Гудман:

«Пустяки».

Мать и девочка уходят. Гудман осматривает свои брюки. Затем сидит еще какое-то время (допивает чай), собирает вещи и уходит из парка.

Вступает саундтрек. Что-то мажорное. (ПРИМ.: Возможно, стоит звякнуть Рою Мосли?)

Камера отдаляется, средний план переходит в общий. Крохотная фигурка Гудмана идет по направлению к парковке. Садится в машину.

Появляется титр: название фильма. (Варианты: «Выходные Гудмана», «Художник».) (ПРИМ.: Хорошенько подумать над названием.)

ПРИМ.: Кажется, нашел! «СЦЕНАРИЙ». Отлично. Коротко и раскрывает суть.

Часть первая

МАЛЫШ

ГЛАВА 1

«Персики консервированные половинками в сиропе».

На картинке выглядели они аппетитно. Хотя логичней было бы попробовать сначала свежие. Но у меня правило: если на что-то упал глаз — беру.

Сейчас мне попалась под руку банка консервированных персиков. И мне безумно захотелось узнать, каковы они на вкус.

Я еще раз покрутил банку, рассматривая картинку на упаковке, и отправил в корзину к остальным продуктам: замороженной пицце (ее-то я ел уже множество раз) и упаковке «Миллера» (обожаю его; что тут скажешь, ценителем пива меня точно не назовешь).

Сегодня я открою для себя новый вкус. Вкус консервированных персиков. Почти уверен, что мне они понравятся. Но даже если и нет, я все равно попробую потом свежие. Думаю, разница огромная.

В день по новому вкусу. Такое вот правило. Я сам себе его установил и стараюсь не нарушать. Это помогает растянуть удовольствие; учит сма-

ковать каждый новый вкус в полной мере. Как глоток воды для жаждущего.

По крайней мере, это лучше, чем сходить с ума.

Мне нужна система. Нужны правила. Пускай и такие нелепые.

Я с трудом согнул левую руку в локте и повесил на нее корзину. Мимо меня пронесся мальчуган лет пяти. Он схватил упаковку «Лейс», взглянул на меня и, не удержавшись, прыснул коротким смешком. Его повеселило мое косоглазие. На всякий случай я сильнее натянул бейсболку на лоб. Не хотелось бы напугать его. Через секунду ребенок забыл обо мне и скрылся за трехметровыми стеллажами с бытовой химией.

— Мама, мам, можно мне ма-а-аленькую пачку чипсов? Пожалуйста! — Жалобный голос пацана долетел до меня.

— Да зачем тебе эта гадость, медвежонок?

— Ну ма-а-м!

— Ладно, малыш, бери свои чипсы.

«Малыш».

Забавно. С недавних пор так меня называет миссис Уэлч. С того момента, как мы с ней обнаружили, что прошло достаточно времени, чтобы можно было безболезненно подшучивать надо мной. Да я и сам не прочь. Самоирония — это ведь в какой-то степени лекарство от депрессии.

Чипсы я перепробовал, пожалуй, все. Обалденная штука.

Я «грациозно» подошел к кассе и, помогая правой рукой, выложил продукты на ленту. Мо-

лоденькая кассирша приветливо улыбнулась. Мне часто приветливо улыбаются, даже если минуту назад готовы были разорвать на части любого, кто подвернется под руку. Этой улыбкой люди скрывают неловкость; хотят подбодрить меня этим. Так улыбаются неизлечимо больному.

Я бросил взгляд на бейдж кассирши. «Джейд». Машинально пропустил через себя это имя. Искал ассоциации. Я делаю это все время. С именами, лицами, предметами мебели, продуктами, машинами, со всем, что попадает на глаза.

Нет, ее имя для меня — просто имя. Ничего. Никаких образов.

Эх, Джейд, у тебя прекрасная улыбка, но тебе вовсе не обязательно так стараться ради меня. Поверь, моя внешность беспокоит меня в последнюю очередь. *Я понятия не имею*, какие на вкус персики, понимаешь, о чем я?

Расплатившись, я хотел уложить продукты в пакет, но Джейд опередила меня.

— Давайте помогу.

— Спасибо.

Теперь мне не нужно шарить здоровой рукой по полкам магазина, и я с удовольствием взял ею пакет, собранный Джейд.

Я направился к выходу, волоча левую ногу, и с усмешкой подумал, что если бы на мне не было бейсболки, улыбка Джейд стала бы еще дружественней.

Выйдя из «Гристедса», я закурил. Для этого снова пришлось освободить правую руку, пере-

весив пакет с продуктами на локоть левой. Даже после полугодового курса реабилитации сложно привыкнуть к тому, что твоя левая половина — «не твоя». Она вообще ничья. Хотя... Шесть месяцев назад я мог управлять левыми конечностями с таким же успехом, с каким пытался бы управлять руками и ногами другого человека. Теперь же я по крайней мере обходился без костылей, да и вообще достаточно шустро передвигался. Правда, рука. Достижение на сегодняшний день — могу согнуть ее в локте. Но были и плюсы. Я определенно точно знал, что я левша. Теперь я мог писать только правой и делал это как курица лапой.

Я свернул на Кранбери-стрит, прошел мимо одноименной кафешки с бордовым навесом над летними столиками (тут делали замечательный латте — мой любимый кофейный напиток. Черный же не очень понравился) и зашагал вдоль невысоких домов, обвитых пожарными лестницами. Мне вроде как повезло: эта часть Бруклина — почти Манхэттен. В том плане, что Бруклинский мост от моего жилища находился совсем рядом, а там уже и Манхэттен.

Кстати о жилище. Я знал о себе и еще кое-что, кроме того, что мне никогда не написать книгу, реши я использовать для этого ручку. Я неудачник. Нельзя сказать, что это меня как-то огорчало, не в том я положении, чтобы беспокоиться о таких мелочах. Просто констатировал этот факт, как старался констатировать все, что так

или иначе относилось к моей жизни. Просто у меня не было другого объяснения тому, почему я жил в съемной комнате и работал разнорабочим в мелкой конторе по ремонту квартир. Да, в Нью-Йорке (уж не говоря о Манхэттене) квартиру купить — удовольствие не из дешевых. Но к сорока-то годам (ну плюс-минус, черт его знает, вряд ли сильно ошибаюсь) можно было и собственным углом обзавестись. А может, и есть где-то этот угол? Господи, сколько вопросов! Начнешь думать, и голова идет кругом, вопросы наслаиваются друг на друга, как только дашь им волю.

Голова разболелась. Я пошарил по внутренним карманам пиджака, достал упаковку тайленола и разжевал пару таблеток. Ну и гадость.

Не торопясь я дошел до своего дома на пересечении Кранбери и Хикс. Четырехэтажное кирпичное здание, на третьем этаже которого я снимал одну из двух комнат у симпатичной старушки Мэри Уэлч. Другую комнату занимала сама хозяйка. И на данный момент эта женщина — самый близкий мне человек. Ну, пожалуй, еще Бак Чемберс и его младшая сестра Эйлин. Все, список закончился. Я бы отдал и второй глаз, лишь бы расширить этот список другими именами. Ведь они есть, они точно должны быть, другие имена.

Я пересчитал сигареты в пачке. Оставалось меньше половины. Но если не частить и лечь пораньше, то до утра хватит. В любом случае воз-

вращаться в магазин я точно не собирался. Нога ныла так, что никотиновая зависимость ушла на второй план, уступив место желанию поскорей добраться до кровати.

Интересно, со сколько лет я курю?

* * *

ЖУК-ГЕРКУЛЕС

Сегодня утром мне в голову пришла спасительная мысль: начать вести дневник. Потому что я больше не могу доверять памяти самое ценное, что у меня есть, — эмоции. Всю жизнь я собираю их по крупицам. Именно поэтому сейчас на моих коленях лежит дневник. Пока еще страницы его пусты, но к вечеру он превратится в надежное хранилище моих эмоций.

Времени еще полно. День только начинается, а мы собираемся пробыть здесь до заката, так что, думаю, я успею написать все, что нужно было написать уже давно.

Солнце раскаляет металлический настил крыши ангара так, что вполне можно приготовить себе омлет с беконом. Я подкладываю под себя рюкзак, надвигаю бейсболку на лоб и ложусь. Дора запускает воздушного змея. Желто-красный ромб неправильной формы маленькой точкой кружит высоко в небе.

С чего начать?

Пожалуй, с того дня, когда на моем лице впервые в жизни заиграла искренняя улыбка.

Мы живем в Brentwude, одном из престижных районов Лос-Анджелеса. В трехэтажном доме с шестью спальнями, бассейном и гаражом на три автомобиля. Мой папаша убежден, что у успешного человека обязательно должен быть гараж не меньше чем на три машины. Он готов штамповать в год по десять фильмов, которые будут идти глубокой ночью по самому последнему кабельному каналу, лишь бы иметь минимум три гаража.

Сегодня мы ждем на ужин Роберта Морриса с его молодой любовницей Бетти Марш. Он подобрал ее в каком-то кафе, снял бейдж официантки и нацепил костюм стюардессы. После этого Бетти стала актрисой. Последние полтора месяца она бегаёт по салону «Боинга» вместе с Кристофером Хэмптоном, спасая пассажиров от террористов.

Эта ересь выйдет в прокат в середине августа. Моррис похудел фунтов на десять, пока смог-таки договориться с дистрибьютором средней руки о прокате. До «большого» Голливуда Моррису так же далеко, как нашему садовнику Рафаэлю до главных ролей в фильмах братьев Коэн, сколько бы он ни репетировал актерскую игру перед зеркалом, думая, что его никто не видит. В этом городе каждый второй мечтает стать звездой Голливуда. Я все это знаю, потому что в нашем доме говорят только о кино и обо всем, что с ним связано.

Но все-таки третьесортная чушь Морриса для умственно отсталой части населения выходит на

широкий экран, потому сегодня меня ждет увлекательная картина: папаша будет облизывать все щели мистера Роберта Морриса и при каждом удобном случае рассказывать о своих проектах и планах на будущее. Он это называет «заводить нужные знакомства». И, конечно же, он и словом не обмолвится о том, как еще совсем недавно называл Морриса «убогим, жалким ничтожеством, возомнившим себя бог весть кем». Он говорил это с мягкой покровительственной ухмылкой. А когда узнал, что Моррис заполучил дистрибьютора, он повторил те же слова, только уже без ухмылки и сквозь зубы.

К семи меня зовут вниз, в гостиную, и я спускаюсь.

«Эй, кто это у нас тут?» — улыбается Моррис и треплет меня по макушке.

«Здравствуйте». Я растягиваю рот в самой милой улыбке, какой только могу. Иногда я перегибаю палку, и тогда моя улыбка становится слишком фальшивой.

Мне уделяют столько времени, сколько необходимо, чтобы соблюсти все правила хорошего тона, после чего про меня забывают, что вполне меня устраивает.

«Мам, — говорю я мягким голосом, — я пойду погуляю на заднем дворе, хорошо?»

«Конечно, солнышко».

Она смотрит на меня и сквозь меня одновременно. У нее стеклянные глаза. Я думаю, одну из трех бутылок бордо она успела осушить еще

до того, как пришли гости. Впрочем, две оставшиеся тоже достанутся ей одной, без сомнений.

Она целует меня в лоб, и я чувствую запах кислого винного перегара.

«Приятно было познакомиться», — говорю я гостям и выхожу на улицу.

«Очаровательный ребенок», — долетает до меня.

Жара спадает.

Я сажусь у бассейна; опускаю ноги в нагретую за день солнцем воду и сижу так какое-то время, рисуя ступнями круги на водной глади. Я слышу искусственный, льстивый смех родителей. Моя мать актриса, но уже тогда, в свои неполные семь, мне было ясно видно, насколько она бездарна.

Смех — это искусство. И если вы научитесь ему в совершенстве, вы сможете получить все, что пожелаете.

Так мне казалось в семь лет. Со временем, став старше, я пойму, что одного смеха недостаточно. Слезы — инструмент намного тоньше. Сострадание — изящнее. И я овладею ими всеми.

Слышу самовлюбленный пьяный голос Морриса.

«Маркетинг, дорогой мой, маркетинг — вот что составляет основную бюджетную часть любой картины. Ты это знаешь не хуже меня, старина. «Смертельный рейс» «Оскара» не получит, хе-хе, не того полета я птичка. Если бы ты знал, сколько ушло на маркетинг. Но сказать по со-